

* * *

Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

А. Блок

Я наяву один ласкаю сон:
В седой степи, овейной ветрами,
Там кобылица шумными ноздрями
Вдыхает ветер канувших времён.

В агатах глаз с глубинной синевой
Дрожит звездой распахнутая млечность.
А над её точёной головой —
Мгновения отсчитывает Вечность.

Под чёлкою — строптивая звезда,
Волненье гривы вспенивает шею.
Полынный ветер веет всё и веет.
И время прошлого звенит, звенит узда.

И вдруг! — в карьер. И вдруг! — куда-то мчит!
Копытами отталкивая землю.
В ней вольный дух в седой степи не дремлет,
И сердце кровью пламенной стучит.

Канун весны

Памяти Т.Н. Суровцевой

Глупый ветер, смеясь, студит, солнцем
согретые, крыши.
Так нелепо грустить на пороге весёлой
весны.
Сосны кронами в синь каждой веткою
выше и выше.
Ветер шквалом сорвал с них последние
зимние сны.
Хочешь, я расскажу, как поёт во мне
тихая радость?
Как в душе благодать золотую
сверкает пылью?
Предвкушенье весны — нет для сердца
дороже награды
Тем, кто вечность прожил под зимы
окаанным венцом.
Я приветствую грязь и капель,
и смешную ворону,
Что, на сук взгромоздясь, пресловутого
сыра кусок
Ждёт-пождёт всем нутром, всей печалью
своею вороньей,
И корявою лапой чистит свой
воронённый носок.
Я приветствую мир, всех людей,
что зовутся земляне.
И, особо, детей: вот кто грязью
доволен вполне.
Мне им песню б сложить, ту которую
пели древляне:
О несущей надежду весенней
стихийной волне.

* * *

Долгой памяти — долгая грусть.
Тополь мой, прошуми прежней кроной,
Той пахучестью терпкой, зелёной...
Я в твоё волхованье вернусь.

Где калитка с железным кольцом.
Как в былом, поверну его влево
И шагну в тень заветного древа,
Где так молоды мама с отцом.

Что ж ты, память, подводишь меня?
Где они? Я не вижу их лица.
Время ставит заслоны, границы,
Наши дали от нас хороня.

Только серой калитки проём.
И ладонь от кольца холодеет.
Но бессильная память мертвеет,
И тоскует душа о былом.

Полнолуние

Опять луна, как жертвенное блюдо.
Опять творишь воинственный обряд?
Устало спят мои земные люди
И страхи снов беспомощно глядят.

Но отчего я, как и ты, недвижна?
Стучит висок в бессильную ладонь.
Давно уснул мой самый, самый ближний —
Тревога сна, ты сна его не тронь.

Бледнея, звёзды в мертвенном испуге
Отпрянули, как будто от огня.
А ты, магическим очерченна кругом,
Безумным оком смотришь на меня.

Луна, отдай всю страсть свою и силу
Приливом нарастающей волне,
Тревожных рыб пугая зыбким илом,
И серебри их струи в глубине.

Луна, твои я вызнала повадки.
Колдуй в моём распахнутом окне.
Куда важнее чистая тетрадка
И та струна, что напевает мне.

С тебя и этой лихости довольно.
Не всякому такое по плечу.
Моим родным — снов дивное приволье.
Бессонницей за это заплачу.

* * *

На новом месте трудно спится мне:
Неодолимы правила привычек.
Но память, без насмешливых кавычек,
Уже в моём колдует полусне.

Людей, для сердца самых дорогих,
И даже сердцу вовсе и неважных,
Но в памяти бытующих вальяжно.
А может, уже нету таковых?

И воздвигает новый Вавилон
Из давних опрометчивых мгновений.
Ночь бесконечна шествием видений.
Минувшее — вот самый долгий сон.

Так тесно увязались все они:
И враг и друг сошлись в былых эпохах
Я тишину не потревожу вздохом.
Минувшие мне все давно сродни.

Под вечный шелест лёгких тополей
Роятся нестареющие лица.
И каждое готово воплотиться
В театр забываемых теней

Мети же, тополияная метель,
На призрачные стены Вавилона.
Ночь памяти, ты стала благосклонна.
Прости, моя бессонная постель.

* * *

Уже зиме наскучила нужда:
Беснуется пустыми закромами.
А там, а там за синими холмами
Великих Духов белая вражда.

А там, а там зари — взбешённой край,
Где даже солнце яростное тщится
Его согреть, и грозно серебрится,
Воспламеняя изморозный рай.

Мороз и солнце. Истина проста,
Как родственные альфа и омега.
Над толщею сияющего снега —
Сияние небесного холста.

Туда зима, с пустующей сумой,
Из города уйдёт всего скорее.
На снег, что так уродливо чернеет,
Она брезгливо лишь махнёт рукой.

* * *

И колхозы, и голод, и план —
Всё в себя утянули, впитали
Эти чёрствые руки крестьян,
Одинакие тёмные шали.

Светлана Сырнева

Это сходство, что горько признать:
От натруженных рук и до шали.
Нет твоих, что могли б рассказать.
Нет моих, что не всё рассказали.

Были воем волками ветра.
Были души людские ночами.
Всё забыть? Да, наверно, пора.
Жить, в отличие от них, без печали.

Знаю, горе из бездны одной
Пили вдоволь и наши, и ваши.
Голод мерили мерой с лихвой,
Засевая кровавые пашни.

Только память людская строга:
Ты забудешь — тебя позабудут.
Жизнь — единой печали река.
Лишь Господь знает, что с нами будет.

Санкт-Петербург

О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Анна Ахматова

Мне бы там в своё время родиться,
Где тумана сирень над Невой.
Где луна — белой ночи волчица —
Стылым призраком над головой.

Я пила бы туманную свежесть
Нетерпеньем младенческих уст,
Чтобы слова и силу и нежность
С колыбели испробовать вкус.

Там, где Пушкин, смеясь, куролесил
В окруженье подобных кутил.
Острослов, щёголь, мот и повеса,
Но как он, так никто не любил.

Там, где Блок, чистотой идеала
Полонённый, всю жизнь тосковал.

И, блуждая меж сонных каналов,
Всё искал чей-то взгляд, всё искал.

Где поэзия улиц застыла
В обрамленьи чугунных оград,
Там Ахматова гордо грустила,
Глядя на Александровский сад.

Город вечной любви и печали,
С вечной лирикой белых ночей,
Его Время в ладонях качает
Под призматром петровых очей.

Сколько певчих любовно вскачал он
Под баюканье северных вод!
Скольких светлыми вспоит ночами
Этот вечный седой небосвод!

14 июня

Рассвет в окне восходит без стеснения
И, предвкушением радостным волнуя,
Напоминает «Нынче день рожденья»
И в лоб меня приятельски целует.

Раз день рожденья, значит, будут гости,
Та горстка, мной любовно сбережённых.
Всё будет симпатично, живо, просто
В дому опрятном и преображённом.

В фужерах вспыхнут чувственные вина,
В тарелках лакомо улягутся салаты,
И тосты излагаться будут длинно...
Потом уедут все в избыточность заката.

Останутся салаты и фужеры,
И это чувство безысходной грусти —
Оно из той необъяснимой сферы,
Что вдруг приходит, да не вдруг отпустит.

* * *

День беззаботно на ветках качается
Праведных сосен, застенчивых рощ.
Счастье моё, наша жизнь продолжается.
Радостно видеть: мир так же хорош.

Знаю, что мир, как то облако белое:
Слишком застенчив, чтоб вечно кружить.

Облако нежное, тем уже смелое,
Зная исход — смеет небо любить.

Как хорошо меж делами привычными
Видеть на соснах качание дня
И, сохранив на лице безразличие,
Торжествовать: «Мир, ты любишь меня!»

Настроение

В хмурости сентябрьского дня
Не хочу я вспоминать о лете.
Пусть оно лелеяло меня,
Я о нём не стану петь сонеты.

Не хочу и осень воспевать:
Мне её не избежать капризов,
Наперёд печально сознавать —
Путь её прощанием пронизан.

И зимы убийственную блажь
С волчьим воем горестной метели.
Всё отымет, сколько ей ни дашь
Скудного тепла души и тела.

Моя песня — будущей весне.
Даже не самой, её примете:
Когда в страхе оседает снег
И синица гонит сон поэта.

Первую тревожную капель,
Даже не капель, её приметю.
Под синичью золотую трель
Капнет капля солнечного света.

Капнет в душу и озолотит
Праздничной надеждой до предела
Отнятое стужей воротит
Всё тепло души твоей и тела.